

Свобода и зависимость в отношениях лендлордов и горожан в обычном городском праве средневековой Англии

М. В. Винокурова

Для цитирования: Винокурова М. В. Свобода и зависимость в отношениях лендлордов и горожан в обычном городском праве средневековой Англии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 951–967. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.308>

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отношениями между лендлордами и горожанами — держателями земли в малых городах средневековой Англии. Показано, что, согласно установлениям обычного права, элемент зависимости во взаимоотношениях лендлордов и горожан в городах был выражен не столь отчетливо, как в манорах средневековой Англии. Как правило, горожане-держатели были обязаны лендлордам лишь фиксированными обычаем годовыми денежными рентами. Чаще всего они не платили вступительных взносов (файнов или рельефов) при приобретении участка земли, геридов (посмертных платежей) и меркетов (денежных взносов при выдаче дочери замуж), не были обязаны отработочными повинностями. Город содержал в себе «элемент свободы» такой высокой степени, что даже беглые вилланы, прожив внутри его стен в течение года и дня, считались лицами, утратившими зависимость. Горожане также могли без разрешения лендлорда и даже без уведомления в его адрес отчуждать (наследовать, продавать, покупать и пр.) свое движимое имущество. В праве borough горожанин рассматривался в качестве лица, обладающего достаточной свободой; он, в отличие от английского крестьянина, подчинялся напрямую городским властям и королю, являясь субъектом и городского обычного права, и общего права Англии. В то же время не стоит преуменьшать правовую значимость самих лендлордов внутри borough: именно они являлись получателями (а не плательщиками) денежных ежегодных рент. Значимость рент в borough была настолько высока, что за рентные недоимки обычай «предписывал» серьезные наказания, вплоть до конфискации земли.

Ключевые слова: средневековая Англия, малый город, лендлорды, держатели, ренты, обычай, обычное право.

Freedom and Dependence in the Relationship between Landlords and Tenants in the Customary Law of Medieval English Boroughs

M. V. Vinokurova

For citation: Vinokurova M. V. Freedom and Dependence in the Relationship between Landlords and Tenants in the Customary Law of Medieval English Boroughs. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 3, pp. 951–967. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.308> (In Russian)

Марина Владимировна Винокурова — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Российская Академия наук, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а; vinokurova@mail.ru

Marina V. Vinokurova — Doctor in History, Leading Researcher; Russian Academy of Sciences; 32a Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation; vinokurova@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

The paper examines a number of problems related to possession of land in the boroughs of medieval England — according to the customary law. A special attention is devoted to the relationship between landlords and tenants in the boroughs. It's evident that feudal dependence in the borough was not as distinct as in the English medieval manor. As a rule, tenants in the borough were obliged to pay to the lords only fixed yearly rents. Usually, they were not due to pay entry fines or reliefs, heriots after the death of the tenant or marriage merchets. Unlike medieval villains, they were not obliged to do corvee work. The English medieval borough included into itself so-called “element of freedom” to such a high degree that villains who had escaped from the manors became free people having lived in the borough a year and a day. Tenants in the boroughs also had the right according to their own will (without the lord's permission) to alienate (e. g. to inherit, to buy, to sell) their movables. Nevertheless, the role of the lord in the medieval borough should not be there underestimated as he was a borrower of the yearly rents — a very important feature of the relations between tenants and lords in general. The social significance of the rents in the borough was so high that customary law presupposed special punishment for rent arrears, up to forfeiture of land.

Keywords: Medieval England, borough, landlords, tenants, rents, custom, customary law.

Настоящая статья посвящена малоизученной в историографии, но не ставшей от этого менее важной, проблеме взаимоотношений лендлордов (далее — лордов) и горожан — держателей земли в малых городах (boroughs) средневековой Англии, отраженной в обычном праве этих своеобразных поселений.

Малые города — довольно трудноопределимый феномен социальной жизни средневековой Англии. Их начало исследователи выводят из существования укрепленных поселений (burgs) времени короля Альфреда (871–899), которые первоначально создавались для борьбы с датчанами¹. Критерии определения и социального «наполнения» малых городов еще не ясны до конца. Кристофер Дайер — один из немногих исследователей, занимающихся ныне этой проблемой в Англии, считает, например, что одним из таких критериев может считаться численность населения boroughs: от 2 до 10 тыс. чел.²

Известно также, что малые города нередко появлялись на месте маноров, точнее — на месте т. н. резиденций манориальных лордов (англ. manor-houses); «социальная генетика» манора и borough очень близка³. Однако свидетельством «роста» borough из манора, как в свое время удалось установить автору этих строк, являлось далеко не только относительно незначительное количество населения. Демографический фактор не исчерпывает всей сложности вопроса.

Важными критериями такого феномена, как borough, можно считать следующие:

¹ В этой статье мы не станем обращаться к детальному историографическому обзору такой важной исследовательской проблемы, как малые города средневековой Англии (и Англии раннего Нового времени) и особенности их социального и правового «бытования», поскольку это уже сделано в исследованиях ряда авторов. См., напр.: *Maitland F. W. The Origin of the Borough // The English Historical Review. 1896. Vol. XI., P. 13–19; Ballard A. The English Borough in the XII Century. Cambridge, 1914; Dyer Chr. Small Towns with Large Consequences: The Importance of Small Towns in England: 1000–1540 // Historical Research. 2002. Vol. 75. Iss. 187. P. 1–24; Винокурова М. В. Мир английского манора. По земельным опиям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII века. М., 2004. С. 142–157.*

² *Dyer Chr. Small Towns with Large Consequences... P. 5–9.*

³ *Maitland F. W. The Origin of the Borough. P. 15–17.*

- наличие достаточно крупных блоков земли внутри города (т. н. городских держаний);
- значительная роль сельскохозяйственных занятий населения;
- присутствие в феодальной иерархии благородных рыцарей-лордов, которые владели землей не только в городе, но и в сельской округе;
- фиксация источниками домениальной земли (нередко сданной в аренду) внутри городских стен;
- наличие в borough вилланов и вилланской земли (с XIV–XV вв. — копигольда и копигольдеров), т. е. держаний и держателей типично манориального типа;
- операции с землей, ведущиеся внутри borough по типу операций с классическим копигольдом;
- правовая и административная организация внутренней жизни города по типу манора;
- весьма нередкое наличие курии;
- важная роль обычая как регулятора внутренней жизни⁴.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для нас. Обычай был особой направляющей силой в социальном «бытовании» маноров и малых городов средневековой Англии и важным вектором внутригородского самоуправления. Он регулировал практически все стороны жизни населения.

Регулирующая и направляющая роль обычая проявлялась в области экономических отношений (долговые обязательства, торговля, сделки по кредитам и пр.), в семейных отношениях и правах наследования движимого и недвижимого имущества, в области манориальной и внутригородской юрисдикции (судебные тяжбы и обеспечение судебной защиты), в сфере регулирования имущественных прав женщин и вдов, в соблюдении поведенческих норм и т. д. Трудно даже детально перечислить все те области повседневной жизни, которые направлялись обычаем. Он было душой средневекового общества. Думается, что самой важной чертой обычая, как в свое время писал об этом еще А. Н. Савин⁵, была его «незапамятность». Незапамятность обычая, ведущего свое начало с англосаксонских и нормандских времен, можно считать критерием его легитимности в средневековом обществе. Чем «старше» был обычай, чем в большей степени в обществе забывались история и истоки его возникновения, тем большей основательностью характеризовались ссылки на него. *Custom of times out of mind (out of memory)* — типичный фразеологизм источников по манориальной и правовой истории средневековой Англии.

Между тем до недавнего времени специфика обычая и обычного права (кодифицированных в манориальном и городском законодательстве норм обычаев) не являлась предметом пристального внимания со стороны медиевистов, и прежде всего аграрников. После работ А. Н. Савина по истории английского крестьянства

⁴ Мы перечислили так называемые манориальные черты borough. Но были и городские маркеры: топография городского типа (наличие улиц), дополнительные неземледельческие занятия населения (ремесло, торговля), в основном небольшая площадь земельных наделов, высокая рентабельность городских участков: годовой доход, в десятки и сотни раз превышающий ренты за держания, и некоторые другие. Причудливое сочетание манориальных и городских черт являлось особенно borough как социального феномена средневековой Англии.

⁵ Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 124.

эпохи Тюдоров, написанных в начале XX столетия, эволюция, например, английского манора (о феномене *borough* речь не шла вообще) была представлена лишь с точки зрения раскрытия ее социально-экономического содержания. Так, исследовались преимущественно такие проблемы, как рентные отношения, дифференциация крестьянства, сроки держаний, зависимость изменений структуры земельных наделов от эволюции форм ренты и пр.⁶ Но службы лорду, земли и ренты не составляли всего манора, и уже тем более не составляли они и города. Существовала, как мы уже говорили, не менее важная грань социальной и правовой жизни общества средневековой Англии — обычай, являвшийся материальным правом держаний, а также основой, «душой» средневековой социальности, внутренним нравственным законом и этическим регулятором ряда общностей.

Отметим, что вопросы, связанные с ролью обычая в средневековом обществе более основательно изучались в англоязычной историографии, причем в основном историками права. Достаточно упомянуть классическое исследование Ф. Поллока и Ф. Мейтленда «History of English Law before the Time of Edward I», а также работы современных английских исследователей С. Ф. Милсома, П. Уормолда, Р. Хаскрофта⁷. Общей особенностью указанных работ является то обстоятельство, что в основном они написаны в духе интерпретации классических сочинений известных знатоков *общего права* Англии — таких, например, как Г. Брактон или Флета⁸.

Наш же текст основан непосредственно на анализе *обычаев* ряда малых городов средневековой Англии, представленных в объемном своде документов под названием «Borough Customs», также известном, возможно, в наибольшей степени историкам права и еще не получившем в историографии системного изучения. Указанные документы были опубликованы в начале XX в. ученицей Ф. Мейтленда Мэри Бейтсон⁹.

⁶ См., напр.: Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947; Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVI–XVIII вв. М., 1957; Барз М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962; Postan M. The Medieval Economy and Society: An Economic History of Britain, 1100–1500. London, 1972.

⁷ Pollock F., Maitland F. History of English Law Before the Time of Edward I. Vol. 1–2. Cambridge, 1895; Milson S. F. C. The Legal Framework of English Feudalism: the Maitland Lectures given in 1972. Cambridge, 1972; Wormald J. The Making of English Law: King Alfred to the XII century. Cambridge, 1999; Huscroft R. Ruling England: 1042–1217. London, 2005.

⁸ Bracton H. de. De Legibus et Consuetudinibus Angliae. 4 vols / eds G. E. Woodbine, S. E. Thorne. London, 1968–1977; Fleta / ed. and transl. by H. G. Richardson, G. O. Sayles. Vol. 3. London, 1972.

⁹ Borough Customs / ed. by M. Bateson. In 2 vols. Selden Society. Vol. 18, 21. London, 1904–1906. — Напомним, что Мэри Бейтсон (1865–1906) — талантливая ученица Ф. Мейтленда, к сожалению, рано ушедшая из жизни. По выражению Ф. У. Мейтленда, она с самого рождения «принадлежала Кембриджу». В начале своего творческого пути М. Бейтсон занималась историей английских монастырей и средневекового монашества, позже перешла к исследованию городской истории. Община Лейстера поручила ей издание фрагментов архивных материалов по истории города. Проведенная мисс Бейтсон работа, как известно, получила отражение в трех объемных томах под названием «Records of the Borough of Leicester», в которых были опубликованы источники по истории этого города с XI по XVI в. Ею была исследована также история Кембриджа и некоторых других городов. Однако в среде историков считается, что наиболее весомым вкладом М. Бейтсон в изучение городской истории средневековой Англии стали упомянутые два тома «Borough Customs», изданные Сэлденским обществом. Историк систематизировала огромный материал из различных городских архивов Англии (а также Шотландии, Уэльса, Ирландии), проведя внушительную, почти непосильную для одного человека, поисковую и исследовательскую работу. Ее метод классификации обычаев мог бы быть оценен лишь теми, кто знал, какими обширными материалами она оперировала. Так,

Характеристика этого уникального источника, содержащего публикацию текстов средневековых обычаев, регулировавших самые разные сферы жизни малых городов средневековой Англии¹⁰, а также составленную публикатором подборку источников-оригиналов¹¹, довольно подробно представлены автором данной работы в целом ряде опубликованных ранее статей¹², поэтому не будем повторяться. Отметим лишь, что нами уже исследованы некоторые сюжеты из области обычного права boroughs средневековой Англии, содержащиеся в указанных документах (такие, например, как имущественные права женщин, опека малолетних, сейзина). Теперь же сосредоточимся на проблематике, означенной в названии нашей статьи.

Прежде всего важно отметить сам факт наличия лордов и держателей-горожан в малых городах Англии (причем в источниках правового характера), а также традиционную организацию отношений между ними по манориальному типу (о чем свидетельствует, например, фиксация годовых — по преимуществу денежных — рент, которыми были обязаны горожане-держатели). На страницах наших документов нередко встречается слово «лендлорд» (landlord); и это совершенно неудивительно, если иметь в виду упомянутую выше «генетическую» социальную связь манора и borough. При этом тексты источников, как правило, не поясняют, о каком именно лице идет речь (в этих текстах почти всегда отсутствуют имена собственные). Допускаю, что отсутствие в документах указаний на идентификацию лица в каждом из случаев естественным образом подчеркивает простой факт наличия некоего слоя «феодалов в городе». Кроме того, это, по-видимому, свидетельствует об особенностях текстов обычаев, почти всегда содержащих *нормы права*, и очень редко — казусы, характерной чертой которых как раз и могла бы явиться поименная идентификация действующих лиц.

Приведем пример, подтверждающий наличие социальной связи между малым городом и манором, почерпнутый нами в одном из текстов 1333 г., относящемся к местечку под названием Киддэрминстер (Kidderminster). По поводу этого местечка издатель документов, мисс Мэри Бейтсон, замечает: «Kidderminster был малым городом с сильно выраженными манориальными элементами»¹³. В тексте обычая подчеркиваются правила передачи земли копигольдерами в курии упомянутого го-

Ф. У. Мейтленд предвидел, что эта работа должна занять достойное место на полке с трудами антиквариетов Томаса Мэддокса «History of the Exchequer» и Джона Сэлдена «History of Tithes». «Ни Мэддокс, ни даже Сэлден не смогут отказаться от соседства с работой М. Бейтсон», — писал он. (См.: *Maitland F. W. Mary Bateson // The Collected Papers of Frideric William Maitland / ed. by H. A. L. Fisher. Vol. 3. Cambridge, 1911. P. 249*).

¹⁰ Обычаи интересующего нас документального свода можно систематизировать по основным разделам права, в частности таким, как наследование и отчуждение имущества, имущественные права супругов, земельные права, ренты, аренда в boroughs, лендлорды и держатели в малых городах, завещания и выморочное имущество, контракты, городские суды и администрация, торговые сделки и контракты, обвинение и судебное преследование, преступления и наказания и др.

¹¹ Имеются в виду по преимуществу своды обычаев манориальных и городских архивов Англии XI–XVI вв.

¹² *Винокурова М. В.*: 1) Имущественные права женщин в средневековой Англии // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А. А. Сванидзе. М., 2011. С. 45–67; 2) Некоторые сюжеты правовой истории малых городов средневековой Англии // Письмо и повседневность. М., 2015. Вып. 2. С. 85–102; 3) Институт опеки в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2016. Вып. 77 (3–4). С. 213–232; 4) Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 115–154.

¹³ Borough Customs. Vol. 1. P. 70.

родка через лорда с уплатой *файна тем*, кто принимал землю, и трехразовым провозглашением передачи (или покупки). Причем, согласно традиционным нормам английского манора, в Киддэрминстере земля должна была быть адресована тому, на кого укажет лицо, ее передающее. Чаще всего, согласно обычаю манора или *borough*, это был ближайший родственник (наследник), который имел *better right*, т. е. право первой покупки¹⁴.

Остановимся на особенностях взаимоотношений между владельцами земли в малых городах и их держателями-горожанами. Начнем с констатации того факта, что вопрос о категориях городского населения, которые могли относиться к разряду держателей-горожан, не столь уж прост. В самом деле, понятие «держатель» а priori отражает если не личную, то поземельную зависимость от некоего лица (в нашем случае — от тех лиц, которые в источниках поименованы «лендлордами» и которым, как мы увидим ниже, эти держатели были обязаны рентами). В то же время приходится иметь в виду, что значительная часть населения средневековых *boroughs* состояла не просто из свободных, но по преимуществу из тех свободных, которые внутри города признавались владельцами сейзины и составляли костяк городской общины с ее внутренним самоуправлением и вполне развитой системой судебной и полицейской юрисдикции. Нередко в городских хартиях такие лица именовались «фрименами» (*freemen*), «баронами» (*barons*) или даже «пэрами» (*peers*)¹⁵. Они имели право посещать городские собрания и, уплатив взнос городской общине, могли владеть земельными участками на правах фригольда или сейзины (*seisin*)¹⁶ с полной свободой владения, пользования и распоряжения ими. В то же время в малых городах средневековой Англии существовали лица, проживавшие в городе, но не имевшие доступа на городские собрания, не обладавшие собственной «свободной» землей в городе (или в его окрестностях) и чаще всего державшие участки земли от городских лордов и таким образом пребывавшие в поземельной зависимости от них¹⁷.

¹⁴ Приведем текст целиком: «And also the customary tenants there, on the land, remaining in the lord's hands, shall make fines... in full court, three proclamations being made, and he who is next (of kin) according to the custom of the manor shall have *better right* than another (for the same money)». [Что касается права «первой покупки», то поясним, что приоритет в этом вопросе, согласно обычному праву, имел ближайший родственник, а в случае его отсутствия — лорд (иногда король) или магистрат.] См. об этом подробно: *Винокурова М. В.* Мир английского манора. С. 137–142.

¹⁵ *Borough Customs*. Vol. 2. P. 181; *Анисимова А. А.* «Чтобы мы могли жить в мире»: Горожане Фордвича в борьбе с монастырем // *Право в средневековом мире*. М., 2007. С. 47–56.

¹⁶ Термин «сейзина» в городском праве мог использоваться в различных значениях. Это мог быть, во-первых, юридический «титул» земли; во-вторых — процедура наделения землей (или ввода во владение сейзиной: *livery* или *delivery of seisin*); в-третьих — само право свободного владения (*possession*), пожалованного или признанного сеньором или городской общиной и защищаемого ассизами от вторжений. Подробно об институте сейзины в обычном праве малых городов средневековой Англии см.: *Винокурова М. В.* Сейзина в обычном праве малых городов...

¹⁷ *Кириллова А. А.* Свободное земельное держание в Англии XIII в. // *Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина*. М., 1954. Т. 68. С. 59–90; *Левицкий Я. А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987; *Репина Л. П.* Лондонские землевладельцы начала XV в. (по данным налогового списка 1412 г.) // *Городская жизнь в средневековой Европе*. М., 1987. С. 199–219; *Сванидзе А. А.* Налоговые списки Колчестера как источник по истории английского средневекового города // *Средние века*. 1961. Вып. 19. С. 185–202; *Чернова Л. Н.* Городская недвижимость лондонских олддерменов XIV–XV веков: структура и использование // *Средневековый город*. 1998. Вып. 12. С. 94–103.

Отметим попутно, что в число землевладельцев, именуемых в текстах обычаев «лендлордами», могли, кстати, входить и упомянутые выше владельцы городской сейзины, вовсе не всегда относившиеся к благородным сословиям, а занимающиеся, например, ремеслом или торговлей.

Еще более своеобразным было положение «чужаков», или чужестранцев («иностранных» — в прямом переводе, так как для их обозначения в документах чаще всего использовали слово *foreigner*). Этим термином, как известно, могли обозначать многих лиц: жителей другой страны, другого города, пришельцев из ближних или дальних маноров и т. д. — словом, любого незнакомого человека. Чужестранцем считался, по словам Ж. Ле Гоффа, «человек, на которого не распространялись отношения верности, подданства, кто не присягал в подчинении, кто был в феодальном обществе “ничьим человеком”»¹⁸. На этого рода людей в правовом пространстве *borough* накладывались очень большие ограничения: они лишь в исключительных случаях могли владеть сейзиной в городе, свободно торговать и пр. и подвергались более пристрастному дознанию в судебных тяжбах.

Как же при вышеописанной пестроте городского населения было возможно выделить из его среды тех, кто мог считаться держателем? В нашем случае существовал единственный, но важный критерий: к указанным лицам мы относили тех, о ком в текстах исследуемых обычаев упоминалось как о плательщиках рент¹⁹.

Посмотрим далее: при всем сходстве *boroughs* и средневековых маноров имелись ли различия во взаимоотношениях лордов и держателей-горожан в малых городах, с одной стороны, и *манориальных* лордов и копигольдеров — с другой? В чем — помимо рент — могли проявляться (или отсутствовать) повинности в отношении земли у жителей малых городов средневековой Англии? Носили ли они столь же «сервильный» характер, как классические повинности вилланов и (позднее, с конца XIII–XIV вв. и далее) — копигольдеров? Полностью утвердительно на последний вопрос ответить трудно, но в текстах анализируемых нами обычаев содержится немало свидетельств того, что феодальная зависимость во взаимоотношениях лордов с горожанами была выражена не столь уж отчетливо.

В сущности, несомненно одно: то, что горожане, как и копигольдеры, были обязаны лорду за свои держания денежными рентами, о чем мы уже неоднократно упоминали выше. Приглядимся к тексту одного из обычаев Герефорда (1486 г.). В нем отмечено, что держатели в городе не должны приносить лорду оммаж (*fealty, homage*) за допуск к держаниям, но обязаны ему только рентами за держания²⁰. В этом же тексте отмечено, что горожане не только не должны приносить феодальной присяги (а ее принесение, как известно, было типичным для зависимого населения маноров), но и платить гериотов и других посмертных платежей (*heriots and other mortuary fees on the death of any of our citizens are not given*)²¹. Так, в Бэри Сент Эдмундс (*Bury St. Edmunds*), согласно обычаю XIV в., горожане при наследовании

¹⁸ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 299.

¹⁹ Отметим, что особенностью текстов наших источников правового характера является то обстоятельство, что в них не фиксируется непосредственно уровень рент (как, кстати, и площадь земельных участков). Такого рода данные характерны более для земельных описей (*surveys of the lands*) и ренталей (*rentals*).

²⁰ «...They are not obliged to do fealty...to the lords of the fee of the tenements, but only to pay rents, issuing from the said tenements...» (*Borough Customs. Vol. 2. P. 85*).

²¹ *Ibid.*

участка не были обязаны лорду и вступными файнами (heir pays nothing for entry: он [наследник] не платит за вступление [в держание])²². В Оукхемптоне (Okehampton) XII в. держатели также вступали во владение свободно, без выплаты файла за допуск. В Кардиффе XII в. горожане не платят лорду рельефа и гериота по смерти держателя (quit of relief and heriot: [свободны от рельефа и гериота]).

Правда, в документах встречаются примеры и иного рода. Так, согласно Книге Страшного суда (далее — DB), во владениях короля Вильгельма в Шрусбери родственники горожанина, который держал землю на королевском домене, должны были, по смерти главы семейства, выплачивать королю 10 шиллингов в качестве рельефа²³. То же самое, согласно указанному источнику, касалось Честера; если же рельеф королю как верховному собственнику не мог быть выплачен, староста навсегда (forever) «переводил» земли горожанина под руку короля. В то же время горожане Йорка, согласно DB, не были обязаны рельефами даже в том случае, если они держали на королевском домене. А в Салфорде (Salford) XIII в. родственники умершего горожанина, согласно обычаю, не платили гериота лорду, но были обязаны отдать ему меч, доспехи и лук хозяина.

Особенностью обычного городского права, по всей видимости, можно считать и то обстоятельство, что если горожанин приносил феодальную присягу лорду, то в лице последнего он приносил ее и городу. Так, в тексте обычая Торкси XIV в. значится, что если некто приносит феодальную присягу лорду (очевидно, для обычного права этого города было характерным исполнение оммажа), то в это же время он должен поклясться, что будет сохранять и защищать свободы, обычаи и правила города и делать для этого все, что в его силах. Если же горожанин не будет верен своей клятве, то он не сможет пользоваться своими преимуществами горожанина²⁴. Здесь же отмечается, что горожанин, однажды принеший присягу своему лорду, не должен делать этого при приобретении любого другого участка земли в городе; он также не должен предъявлять «хартию» (документ) о держании, составленную в присутствии городских властей при приобретении первого участка.

Обычай Дэнвича (Danwich) XIII в. сообщает нам, что внутри стен этого города горожане, которые держат землю от лорда, могут тем не менее свободно выдавать замуж своих дочерей, не спрашивая на то разрешения лорда (without lord's leave); более того, последний не может принудить их к замужеству против их воли как в течение жизни их отца, так и после его смерти²⁵.

Итак, на основе анализа вышеприведенных обычаев мы можем сделать вывод о том, что горожане — держатели земли от лорда внутри borough были более свободны от феодальных повинностей по сравнению с зависимым населением маноров. Они, повторим, в большинстве случаев были обязаны лишь денежными рен-

²² Borough Customs. P.84.

²³ Ibid. Vol. 2. P. 80.

²⁴ Ibid. Приведем текст оригинала: «They say that when any one does fealty to the lord, he ought at the same time to swear that he will... defend and keep up the liberties, customs and uses of the town... to the utmost of his power. And if he will do not do so, he shall have no profit or advantage in the said town...»

²⁵ Ibid. — М. Бейтсон специально подчеркивает в сноске к тексту этого обычая, что в малых городах средневековой Англии — по сравнению с манорами — это была довольно распространенная практика. Свободную горожанку, хотя бы и дочь своего держателя, лорд не мог принудить к замужеству.

тами и чаще всего не приносили феодальной присяги, нередко не платили фэйнов, герриотов, рельефов, меркета и пр.

О том, насколько важна была своевременная выплата рент, свидетельствуют обычаи, связанные с взысканием рентных недоимок (*rent arreas*), основным из которых была конфискация и продажа земли лица, виновного в недоимках²⁶. В обычном праве *boroughs* последние рассматривались в качестве частного случая долговых обязательств, а конфискация земли за них — в качестве одного из случаев правила *distress* (конфискации имущества за долги). Так, конфискация земли за рентные недоимки применялась в бургах Шотландии примерно со середины XIII в., как это явствует из «*Leges Quatuor Burgorum*»²⁷. В источнике указывается (1270), что в случае рентной недоимки в адрес некоего лица должник обязан расплатиться своей землей, которую кредитор обязан выставить на продажу; в течение года и дня он может предлагать эту землю родственникам должника. В случае если представителей рода не заинтересует это предложение, то кредитор волен продать землю «наилучшим образом». После покрытия долга из стоимости проданной земли излишки денежных средств возвращались должнику²⁸.

Это же правило — в идентичном случае рентных недоимок — относилось и к задолженности усопшего; только, конечно же, излишки после продажи земельно-го участка имели в качестве адресата наследника умершего должника²⁹.

В Монтгомери (1486) также существовало правило, отмеченное в числе городских обычаев, согласно которому считалось, что за долги по выплатае ренты (*arreages*) следует расплачиваться землей держаний³⁰.

Процесс, который позволял королю, лорду или городским властям осуществлять возврат земли за рентные недоимки, в средневековых хартиях малых городов иногда именовался термином *stakement*³¹. Он означал, по сути, наложение секвестра на землю и предусматривал ее дальнейший возврат владельцу (*recovery of the land*) в случае невыполнения должником его обязательств. Ритуал был таков: в землю участка, подлежащего секвестру за долги, вбивали шест (*wifa*) с привязанным к его вершине пучком соломы или прутьев, что означало секвестр на протяжении года и дня в пользу короля или лорда (т. е. того лица, кому принадлежала сейзина данной земли). В том случае, если по прошествии указанного срока должник не расплачивался с рентными недоимками (или иногда — долгами иного рода, свя-

²⁶ Фиксация указанного обычая в источниках уже свидетельствует о наличии поземельных и рентных отношений внутри *borough*.

²⁷ *Leges Quatuor Burgorum* (Законы четырех городов) — кодифицированный свод бретонских (*Brehon*) и валлийских (*Welsh*) обычаев, составленный в XII в. при короле Шотландии Дэвиде I (1124–1153). В нем, в частности, сосредоточены наказания (*penalties*) за преступления лиц различного социального статуса, начиная с короля. Позднее в этот свод включили другие обычаи средневековой Шотландии и Англии, которые в XIX в. были опубликованы в анналах *Scottish Burgh Records Society*.

²⁸ *Borough Customs*. Vol 2. P. 193.

²⁹ *Ibid.* P. 210.

³⁰ «...*Their tenements will answer for the sums in which they are condemn, and... for all arrearages... whatsoever*» (*Borough Customs*. Vol. 1. P. 106).

³¹ *Borough Customs*. Vol. 1. P. 310–311. — *Stakement* — от *Stake* (англ.) — кол, шест; эквивалентен франкскому *fronung* (*fron* = holy), означавшему «ритуальное» опустошение земли за недоимки вкупе с разрушением жилища должника.

занными с землей, например выплатами геридотов), земля возвращалась владельцу сейзины. В противном случае секвестр снимался в пользу держателя участка³².

В некоторых малых городах Англии XIII в. существовал и иной обычай. Так, в Винчестере 1280 г. и Портсмуте 1272 г., согласно обычаю и по предписанию суда, владелец земли должен был приносить на спорный участок камень или — в специальном мешке с печатью бейлифа города — кусок свежего дерна (sod), которые держали на указанном участке в течение года и дня. Поскольку в этих городах судебные заседания проводились четыре раза в год, то дерн требовалось «освежать», на каждом заседании прилагая к новому, свежему куску (в мешке) печать бейлифа. Разрушение жилища (окон и стен дома) должника, как это было в давние времена, уже запрещалось³³.

Примерно то же самое фиксируется в протоколах курии Эксетера (Exeter Court Rolls) 1321–1322 гг. Только речь идет уже не о четырех, а о семи заседаниях курии в год, на каждом из которых владельцу участка в течение года и дня следовало «опечатывать» кусочки дерна, возлагаемые на спорный участок. В случае неуплаты ренты должником в течение указанного срока или в том случае, если не находилось человека, который был бы готов купить участок, он полностью переходил владельцу сейзины, который мог распоряжаться им далее по собственному усмотрению³⁴. Этот обычай именовался в Эксетере shortford; указанный термин был, очевидно, характерен именно для данной местности.

В Дувре XV в. эта предписываемая обычаем процедура совершалась в присутствии четырех свидетелей, а также — непременно — мэра и бейлифа города. Иногда вместо дерна устанавливали шест с пучком соломы, который должен был указывать на то, что земля пребывает под секвестром в течение года и дня. Клеркам мэра и бейлифа полагалось платить за услуги письменной фиксации совершающегося процесса по 4 пенса, а сержантам — по два. Если в течение года и дня ренты не выплачивались, земля отходила владельцу участка «на срок жизни» (for a terme of lyf)³⁵.

Обычай Фордвича XV в. сокращал в этих случаях срок в год и день до сорока дней³⁶.

Особого внимания заслуживает вопрос о правах лордов маноров внутри borough. Для того чтобы составить представление о них, напомним о некоторых особенностях правового положения владельцев маноров. Так, известно, что формально, согласно реформам Генриха II, еще в XII в. лорд приобрел статус полного сюзерена в своем поместье, а зависимые держатели были исключены из сферы действия общего права (королевских судов). Они были приписаны к манориальной курии, где и разбирались все их тяжбы с лордами и друг другом.

Обращаться же в городской (королевский) суд общего права по поводу рентных задержек со стороны держателей лорд манора мог только тогда, когда держатель отрицал свои долги; причем в этом случае лорд должен был представить письменное свидетельство своих прав на землю и прикрепленных к ней держателей.

³² Здесь возникает важный вопрос, который уместно задать источнику: могла ли в течение года и дня как-то использоваться земля, находившаяся под секвестром? Могли ли, например, ее сдавать в аренду или другое держание? См. об этом далее.

³³ Borough Customs. Vol. 2. P. 301.

³⁴ Ibid. P. 304–305.

³⁵ Ibid. P. 308–309.

³⁶ Ibid. P. 310.

Однако в малых городах средневековой Англии дела, по всей видимости, могли обстоять иначе. Так, в «Borough Customs» имеется описание случаев, в которых лорд мог обращаться в городской суд и без предъявления письменных доказательств своих прав. Это связано, в частности, с действием правил, ведущих свое происхождение от римского права. Так, в 1278 г. в Англии был принят т. н. Глостерский статут, позднее перешедший в разряд постановлений статутного права, который на основании действия содержащейся в нем правовой нормы *Cessavit per biennium*³⁷, установил правила для тех случаев, которые касались возврата лорду доменальной земли тогда, когда задержки ренты определялись сроком в два года.

Ф. Поллок и Ф. Мейтленд в своем труде «История английского права»³⁸ пишут о том, что корни *Cessavit per biennium* восходят к римскому праву (Кодекс Юстиниана) и характерны для эмпитефтических держаний того времени — держаний, которые, по сути, являлись первыми формами аренды земли. Историки подчеркивают, что в статутном и общем праве Англии периода Средневековья в этом смысле существовали свои особенности, которые отличали процесс возврата земли владельцу в случае двухгодичной задержки с выплатой ренты держателем. Так, в частности, Глостерский статут требовал, чтобы в указанном случае спорный участок земли в течение двух лет (а не года и дня, как в примерах, описанных выше) лежал под паром, т. е. пустовал. Его не следовало сдавать в аренду или иное держание. И только по истечении указанного срока и при соблюдении указанных условий пребывания под паром (*tenement lying fresh*) иск лорда в городской суд в отношении должника (причем предъявленный без письменных доказательств его прав на землю) мог быть поддержан, а его реализация — проводиться в соответствии с теми правилами, о которых уже упоминалось выше.

Однако «Borough Customs» свидетельствуют о том, что и после появления Глостерского статута в некоторых городах страны (в частности, обладавших королевским иммунитетом, — таких как города Пяти портов или Винчестер) все равно продолжали действовать нормы, основывающиеся не на статутном праве, а на обычаях этих городов. Так, на указанных территориях действовало правило: *it's necessary for the land to lie fresh for a year before the stake is erected*³⁹, т. е. землю под паром (до возведения шеста) должны были держать не год и день, не два года, а год. Возможно, что все эти «разночтения» в определении сроков были связаны с разными возможностями и плодородием самой земли. Так, укажем, что в Ромни (Romney) XV в. в случае *cessavit per biennium*, согласно местному обычаю, перед возведением шеста на спорном участке должны были истекать целых три года, в течение которых земля должна была пребывать под паром (*fresh*); к этому сроку затем прибавлялся еще год и день для того, чтобы неплательщик ренты мог собраться с силами и изыскать средства для оплаты долга⁴⁰.

Интересны также установления обычаев, касающиеся системы штрафов за промедление выплаты долгов по рентным обязательствам. Например, согласно городскому праву средневекового Лейстера, в том случае, если неплательщик рен-

³⁷ Само название этой нормы свидетельствует о ее значении и смысле: *cesso* — медлить, мешкать, затягивать (лат.); *biennium* — двухлетний срок (лат.).

³⁸ Pollock F., Maitland F. History of English Law Before the Time of Edward I. Vol. 1. P. 334.

³⁹ Borough Customs. Vol. 1. P. 299.

⁴⁰ Ibid. P. 305.

ты⁴¹ возвращал кредитору свой долг, носивший наименование *gafol*, хотя бы на один день позже означенного срока (в Лейстере — год и день), то он в дополнение к долгу должен был платить еще и штраф в 100 шиллингов (!). Для Честера XIV–XV вв. в случае задержки с выплатой долга был характерен десятикратный штраф (в 10 раз превышавший сумму рентной недоимки), а для Ворчестера того же времени — 11-кратный. Разумеется, что такие высокие штрафы обеспечивали определенную пунктуальность в выплате долгов по рентным обязательствам.

Согласно «береговому праву», в некоторых приморских крепостях средневековой Англии примерно с XIII в. (период коммутации рент) установились очень своеобразные правила, регулировавшие периодичность выплаты штрафов по рентным недоимкам.

Так, в Дувре указанного времени (и далее) в день, назначенный для выплаты долгов, на рассвете на башне замка вывешивали флаг, который должен был висеть до захода солнца. Если должник не мог уплатить долг в течение этого дня — до тех пор, пока на закате не спускали флаг, то размер его штрафа достигал суммы, равной удвоенной ренте. Эта сумма повышалась и далее в течение последующей ночи — до вывешивания флага утром следующего дня. А с каждым приливом Ла-Манша, достигавшим Восточного форта, она увеличивалась вдвое⁴².

В округе замка Рочестер (графство Кент) в XIII в. штраф за рентные недоимки назывался *sursise* и был весьма тяжелым для неплательщика: так, его сумма удваивалась с каждым приливом в течение всего периода неуплаты долга — до тех пор, пока должник не изыскивал возможность отдать деньги владельцу земли.

Штраф за рентные недоимки в Линкольншире чуть ли не со времен DB именовался *warnoth* (сканд. *varnathr*), что означало *protection, ward* (опека, защита). Он обычно выплачивался в Пасху, составляя двойную сумму недоимок, и удваивался каждый последующий день; каждый третий день — возрастал в три раза и т. д. до тех пор, пока долг не был погашен. Схожие правила существовали в Питерборо: там штраф за недоимки именовался *libera wara* и точно так же увеличивался в два раза по сравнению с предыдущей суммой каждый последующий день.

Таковы были правила, касающиеся взимания рентных недоимок в *boroughs* средневековой Англии. Они свидетельствуют о большом значении ежегодных денежных рент во взаимоотношениях лордов с жителями средневековых городов — коль скоро за рентные недоимки или несвоевременную выплату рент взыскивалось столь строго. Несомненно, обычай в данном случае был весьма суров.

Отметим, далее, что тексты обычаев совершенно не содержат информацию об отработочных повинностях на домене или господской земле внутри города или за его стенами. Даже приведенные выше выдержки из DB свидетельствуют не об отработках на домене короля, а о том, что горожане просто держат землю домена.

Последнее утверждение о незначительной доле отработок, как представляется, все же требует подкрепления сведениями из источников другого рода — таких, как манориальные описи. В этом смысле сошлемся на проведенное нами исследование

⁴¹ В текстах обычаев нет специального термина для обозначения тех лиц, которые являлись должниками по рентным обязательствам. Однако считаю удачей то, что в описании одного из обычаев нам встретился неизвестный ранее термин для обозначения плательщика рент — *gaveler*. См.: *Borough Customs*. Vol. 2. P. 209.

⁴² *Ibid.* P. 156.

по английскому манору⁴³, в котором, в частности, содержатся данные описей, касающиеся поселения манориального типа (названного в описях *boough*, хотя и зафиксированного в них в ряду типичных маноров) под названием Уилтон — центра владения графов Пемброков. При анализе структуры этого «манора-города» для XVI в. был выявлен целый ряд держателей-копигольдеров (37 хозяйств), выплачивающих ренты графам Пемброкам и обязанных им рядом сервильных повинностей. Так вот, отметим, что при всей тщательности анализа этих повинностей отработок в их ряду обнаружено не было — и это при том, что в манорах Пемброков классического, «сельского» типа очень многие держатели-копигольдеры (включая «последних вилланов») были обязаны отработками, приносили феодальную присягу, платили *файны*, *гериоты* и пр. Еще одной, немаловажной и самой простой причиной отсутствия фиксации отработок в *borough* является незначительная площадь земельных участков в городе и вне его стен, несравнимая с просторами маноров. Конечно же, барщина на небольших земельных наделах была бы не просто нерентабельной, а и невозможной⁴⁴.

Но продолжим. А каковы были права держателей в малом городе по отношению не к земле, а к движимому имуществу?

Наши источники правового характера свидетельствуют о том, что и в этом плане горожане пользовались достаточной свободой; обычай был вполне лоялен к ним. Так, мы читаем в тексте обычая Кардиффа XII в.: «Если некто захочет продать свой топор или лошадь или еще какое-либо имущество, он может сделать это на законных основаниях (*lawfully*), без разрешения лорда»⁴⁵. В тексте обычая Тексбери (запись 1189 г.) также содержится разрешение продавать лошадь или топор (или иное имущество), не спрашивая у лорда; при этом отмечено, что горожане-держатели *вдобавок* не должны платить последнему *меркета*⁴⁶. В Манчестере XIV в. горожане также могли передавать (*to pass*) и продавать свою движимость, кому они пожелают, не уведомляя об этом лорда. Эти примеры можно было бы продолжать. Думаю, мы не будем далеки от истины, предположив, что в отношении отчуждения движимого имущества горожане пользовались еще большей свободой, чем в отношении сделок с землей и выплаты рента лорду внутри *borough*.

Здесь же отметим, что в отношении *выморочного* движимого имущества (*intestate chattel*) права лорда в малом городе средневековой Англии были, по всей видимости, уж совсем невелики. Анализ обычаев таких городов, как Герефорд и Оксфорд XI в., Кардифф, Престон, Хаверфорд-уэст (*Haverfordwest*) XII в., Тенби (*Tenby*) и Гастингс XIII в., Монтгомери XV в. и некоторых других⁴⁷ убеждает нас в том, что лорд не имел права на *выморочное* имущество держателя-горожанина; оно переходило либо к королю (Герефорд, Оксфорд, Гастингс), либо к семье (жене и детям, в случае их отсутствия — ближайшим родственникам; нередко с выплатой *рельефа* в 12 пенсов) человека, не сумевшего или не успевшего составить завещания, т. е. умершего

⁴³ Винокурова М. В. Мир английского манора...

⁴⁴ В монографии показано, что площадь городского фригольда, например в Уилтоне, была очень невелика и составляла иногда всего несколько акров. См.: Винокурова М. В. Мир английского манора... С. 143–144.

⁴⁵ Borough Customs. Vol. 2. P. 74.

⁴⁶ В источнике присутствует интересный термин, ранее не встречавшийся нам: *to redeem one's blood = to pay merchet* (*Ibid.* P. 75).

⁴⁷ Borough Customs. Vol. 2. P. 75–77.

внезапно и скорее всего без покаяния (что было неуютно Богу). Об этом, кстати, ясно сказано в тексте обычая Тенби: «... если горожанину случится умереть внезапно, что неуютно Богу...» («...if the burgess should die suddenly, which God forbid...»).

Вот какие формулировки по интересующему нас вопросу приведены в текстах документов: «If any burgess... should die intestate, the lord shall have none of the goods and chattels» (Тенби); «If any one being overtaken by death, had not devised the goods that were his, then the king has all his movables» (Герефорд); «If any stranger chooses to live in Oxford and has a house there and dies here having no kin, the king shall have all that he leaves» (Оксфорд); «By whatever by death the burgess may be overtaken... his wife and children shall have the dead's man chattels or the next of the kin as his heir if he has no wife or child» (Престон)⁴⁸. Обычай того же Престоно подчеркивал, что не только лорд, но и никакое официальное лицо города не может претендовать на выморочное движимое имущество горожанина⁴⁹. Трудно все же до конца понять, почему именно *выморочное движимое имущество* горожанина не могло переходить к лорду и, по всей видимости, — к городским властям, ведь к королю переходило.

Кстати, согласно манориальным описям некоторых поместий Англии XVI — первой трети XVII вв., движимое имущество умершего без завещания копигольдера (наряду с его землей) в обязательном порядке переходило именно к лорду манора как собственнику самого манора и всего того, что манор включал в себя (земли, ренты, имущество держателей и пр.)⁵⁰. Переход такого вида имущества к королю фиксируется гораздо реже.

Горожанин же — что очевидно — в праве borough справедливо котировался как лицо, обладавшее свободой, и по сравнению с копигольдером манора менее зависимое от любого «феодала в городе». Не забудем к тому же, что он был субъектом не только обычного права borough, подчиняясь, в частности, обычаю и городским властям, но и общего права Англии, являясь подданным короля. Видимо, еще и по этой причине именно королю как верховному собственнику всей страны «причиталось» имущество свободного горожанина, включая его «выморочную» в случае внезапной смерти движимость. Отметим также, что обычай был вполне справедливым: он не исключал из числа наследников intestacy ближайших родственников внезапно усопшего, наделяя их средствами к существованию⁵¹.

Особенностью отношений между лордами и горожанами, отраженной в обычаях малых городов средневековой Англии и в какой-то степени свидетельствующей об относительной свободе горожан, проявляемой в этих отношениях, являлось и то обстоятельство, что горожане нередко могли предоставлять лордам кредит.

⁴⁸ Приведем здесь наш перевод: «Если какому-либо горожанину суждено умереть без завещания, лорд не может иметь ничего из его движимого имущества» (Тенби); «Если некто, призванный смертью, не сделал завещания по поводу своего имущества, то вся его движимость поступает в распоряжение короля» (Герефорд); «Если некто (чужак) выбрал местом жительства Оксфорд, имеет там дом и умирает в нем, не имея родственников, то все, что он оставляет, достается королю» (Оксфорд); «Если, паче чаяния, горожанин будет восхищен смертью, его жена и дети будут иметь всю его движимость, или его ближайший родственник, если у умершего нет жены и ребенка» (Престон).

⁴⁹ Borough Customs. Vol. 2. P. 76.

⁵⁰ Винокурова М. В. Мир английского манора... С. 179–251.

⁵¹ Там же. С. 247–248. — В монографии на основании изучения обычаев Англии показано, что тень intestacy почти не витала над движимостью, и наследники часто имели право выбора *лучшей доли* движимого имущества вне зависимости от наличия или отсутствия завещания. Это могло быть лучшее оружие отца, лучшие постельные принадлежности, столовые приборы и серебро, скатерти, весла, лодки, плуги, топоры, котлы и пр.

В своде наших обычаев существует даже специальный, пусть и небольшой, раздел под названием «Limitations of the lords credit»⁵².

Кредитными в данном случае именовались те отношения, в которые вступали вышеупомянутые стороны при предоставлении (отдаче на время займа за плату) горожанами лорду своего имущества или продуктов, стоимость которых последнему следовало оплатить в течение 40 дней. Так, согласно обычаям Престона и Ковентри XII в., горожане могли заимообразно предоставлять (to land) лорду свои товары, предназначенные для личного пользования или продажи, и лорд должен был оплатить их в течение 40 дней. Если оплаты не следовало, горожанин более не предоставлял этого своеобразного «кредита» или «займа». В тексте обычая городка Haverfordwest (1200) сказано, что никто не может в случае, подобном вышеописанному, принудить горожанина предоставить продуктов и провизии более чем на 12 пенсов; горожанину позволительно превысить этот предел только по его собственной свободной воле (own free will). Лорд местечка Келлз (Kells), проживавший в собственном замке (запись 1210 г.), обещал горожанам за предоставление ими (по их собственной свободной воле) займа продуктами оплачивать его в течение 15 дней; соль, ткани, железо и другие товары следовало оплачивать на протяжении периода в 40 дней. То же самое можно сказать об обычае Ньюборо (Newborough) в Стаффордшире (XIII в.). В Бристоле этого же времени для оплаты лордом продуктов (упоминаются зерно, вино, мясо, рыба), взятых «на прокат» у горожанина, давали не 15, а 40 дней, как в Престоне и Ковентри.

Добавим к сказанному, что, согласно сведениям *Leges Quartuor Burgorum*, забирая продукцию горожан, кастелян замка лорда должен был соблюдать определенные правила. Так, если речь шла о приобретении битой птицы или скота (упоминаются гуси, куры, свиньи), он не мог зайти внутрь дома горожанина, а должен был стоять перед его дверью до тех пор, пока ему не откроют, и только после этого вести переговоры о приобретении необходимого. Если же кто-либо из служащих лорда по какой-то причине убивал животное или птицу на улице, то в этом случае, согласно обычаю, он не мог их забрать, не узнав у соседей, кому они принадлежат, и не справившись у них о цене. Сделав это, он был обязан оплатить хозяину стоимость убитого животного (птицы). В тексте даже содержится ремарка, что позволять себе подобное служащие лорда могли не более трех раз в год⁵³.

Как представляется, прямым подтверждением достаточно большой свободы горожан в их отношениях с лордами являлось право *franchise by year and day*. Уже давно известно, что, согласно обычаям городов средневековой Англии (как и некоторых городов континентальной Западной Европы), человек (включая беглого виллана или чужака), проживший в городе в течение года и дня, приобретал свободу. В обычаях анализируемого свода документов мы находим тому подтверждение. Так, в текстах обычаев Ноттингема и Ньюкасла (XII в.) сказано, что если некто (кто бы он ни был) поселится в городе и проведет в нем год и день (пребывая в мире и не принося ему — городу — беспокойства), то никто, кроме короля, не волен над этим человеком⁵⁴. Интересен также и обычай Уотерфорда под названием «*Villeins and bondage*» (1400 г.), в тексте которого прямо сказано, что бонд, проживший в го-

⁵² Borough Customs. Vol. 2. P. 86–88.

⁵³ Ibid. P. 79.

⁵⁴ Ibid. Vol. 1. P. 89.

роде в течение года и дня, не просто становится свободным, а по истечении этого срока *сам может решить*, станет ли он свободным горожанином или останется зависимым⁵⁵.

Завершая наше изложение, сделаем некоторые выводы.

Несомненно, что, согласно установлениям обычного права, элемент зависимости во взаимоотношениях лордов и горожан в boroughs был выражен не столь отчетливо, как в манорах средневековой Англии.

Как правило, горожане были обязаны лордам лишь годовой денежной рентой. Они чаще всего не платили вступительных взносов (файнов или рельефов) при приобретении участка земли, геридотов (посмертных платежей) и меркетов (денежных взносов при выдаче дочери замуж). Горожане, в отличие от английских средневековых вилланов и копигольдеров, не были также обязаны отработочными повинностями. Город содержал в себе «элемент свободы» такой высокой степени, что даже беглые вилланы, прожив внутри его стен в течение года и дня, считались лицами, утратившими зависимость. Горожане также могли без разрешения лорда и даже без уведомления в его адрес отчуждать (наследовать, продавать, покупать и пр.) свое движимое имущество. Иногда даже они предоставляли кредит (в виде своего имущества или продуктов) лорду, который последнему следовало оплачивать в течение точно «отмеренных» обычаем сроков.

Нет сомнения в том, что в праве borough горожанин рассматривался в качестве лица, обладавшего гораздо большей свободой по сравнению с жителем манора; он, в отличие от английского крестьянина, подчинялся напрямую городским властям и королю, являясь субъектом и городского обычного права, и общего права Англии.

В то же время не стоит преуменьшать правовую значимость самих лордов внутри borough: все же именно они являлись получателями (а не плательщиками) тех денежных ежегодных рент, о которых говорилось выше, и которые, во всей видимости, поступали не только в карман этих «получателей», но и в бюджет города. Недаром обычай так строго взыскивал за рентные недоимки и ставил немало «ловушек» на путях циркуляции «недоплаченного» прибавочного продукта. Кроме того, в случае задержек с выплатой рент «городские» лорды, в отличие от манориальных, могли обращаться в городские и королевские суды без предоставления письменных свидетельств о своих правах на землю и держателей, что, несомненно, свидетельствовало об их достаточно высоком правовом статусе.

⁵⁵ Borough Customs. Vol. 1. P.90. — Этот обычай настолько важен, что мы приведем выдержку из текста и наш перевод: «...if a baron or a knight or other gentleman has villeins... and it happens that they are born on the land of said baron or knight or other freeman... and if he comes to the city of Waterford and does what is needful to enable him to be within the city... as a bondsman and is in bondage a year and a day without claim or challenge of his lord, his lord shall never be able to have claim. And if the said bondsman wishes to advance himself beyond bondage this is to say [to be] in franchise, then *he can consider whether he will be in the franchise as a citizen or [remain] a bondsman*» (...если у барона или рыцаря или иного благородного имеются вилланы, и случится так, что они рождены на земле названного барона или рыцаря или иного свободного... и если он [виллан, бондмен. — М. В.] придет в город Уотерфорд и как бондмен [будет] делать, что положено для того, чтобы пребывать в городе, и пробудет в нем... как бондмен год и день без нареканий и жалоб со стороны лорда, его лорд никогда более не сможет притязать на него. И если названный бондмен пожелает выйти из своего состояния, то есть приобрести свободу, *он может решить, станет ли он свободным горожанином или [останется] зависимым*).

References

- Anisimoiva A. A. "In Order We Could Live in Peace": Citizens of Fordwich in the Struggle with Monastery. *Pravo v srednevekovom mire*. Moscow, Institute of General History Press, 2007, pp. 47–56. (In Russian)
- Ballard A. *The English Borough in the XII Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1914, 87 p.
- Barg M. A. *Researches on the History of English Feudalism of the XI–XIIIth c.* Moscow, Nauka Publ., 1962, 381 p. (In Russian)
- Bracton Henry de. *De Legibus et Consuetudinibus Angliae*. 4 vols. Eds G. E. Woodbine, S. E. Thorne. Cambridge, Massachusetts, The Belknap Press, 1968–1977.
- Chernova L. N. Urban Immovable Property of Aldermen in the XIV–XVth century London: Structure and Usage. *Srednevekovii gorod*. Saratov, Saratov University Press, 1998, iss. 12, pp. 94–103. (In Russian)
- Dyer Chr. Small Towns: 1270–1540. *The Cambridge Urban History of Britain: 600–1540*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, vol. 1, pp. 505–538.
- Dyer Chr. Small Towns with Large Consequences: The Importance of Small Towns in England: 1000–1540. *Historical Research*. London, 2002, vol. 75, iss. 187, pp. 1–24.
- Huscroft R. *Ruling England: 1042–1217*. London, Routledge, 2005, 265 p.
- Kirillova A. A. Free Landed Tenement in the XIIIth century England. *Uchenie Zapiski of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin*. Moscow, 1954, vol. 68, pp. 59–90. (In Russian)
- Kosminsky E. A. *Researches on the Agrarian History of England of XIII c.* Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1947, 484 p. (In Russian)
- Lavrovsky V. M. *Problems of Landed Property Research in the XVI–XVIIth Century England*. Moscow, Nauka Publ, 1957 178 p. (In Russian)
- Le Goff J. *Civilization of Medieval West*. Moscow, Progress, 1992. 376 p. (In Russian)
- Levitskii Ya. A. *Town and Feudalism in England*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 283 p. (In Russian)
- Maitland F. W. The Origin of the Borough. *The English Historical Review*, 1896, vol. 11, pp. 13–19.
- Maitland F. W. Mary Bateson. *The Collected Papers of Frideric William Maitland*. Ed. by H. A. L. Fisher. Vol. 3. Cambridge, Cambridge University Press, 1911, pp. 541–542.
- Milsom S. F. C. *The Legal Framework of English Feudalism: the Maitland Lectures given in 1972*. Cambridge, Cambridge University Press. 1972, 201 p.
- Pollock F., Maitland F. *History of English Law Before the Time of Edward I*. In 2 vols. Cambridge, Cambridge University Press, 1895.
- Postan M. *The Medieval Economy and Society: An Economic History of Britain, 1100–1500*. London, Penguin Publishing Group, 1972, 304 p.
- Repina L. P. London Landlords in the Beginning of the XVth Century (According to Data of 1412 Taxation List). *Gorodakaia zhizn' v srednevekovoi Evrope*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 199–219. (In Russian)
- Savin A. A. *English Village Under the Tudors*. Moscow, Kushnerov i K^o, 1903, 485 p. (In Russian)
- Svanidze A. A. Colchester Taxation Lists as a Historical Source on the History of English Medieval Town. *Srednie veka*, 1961, iss. 19, pp. 185–202. (In Russian)
- Thirsk J. *English Peasant Farming: The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor to Recent Times*. London, Poutledge and Poul, 1957, 378 p.
- Wormald J. *The Making of English Law: King Alfred to the XII century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 596 p.
- Vinokurova M. V. *The World of English Manor: According to Manorial Surveys of Lancashire and Wiltshire of the second part of XVI — beginning of the XVII c.* Moscow, Nauka Publ., 2004, 493 p. (In Russian).
- Vinokurova M. V. Women Property Rights in the Medieval England. *Dolgoe Srednevekovie: Sbornik v chesti Professora A. A. Svanidze*. Moscow, Kuchkovo Pole, 2011, pp. 45–67. (In Russian)
- Vinokurova M. V. Some Subjects of Legal History of Medieval English Boroughs. *Pismo i povsednevnost'*. Moscow, Institute of General History Press, 2015, iss. 2, pp. 85–102. (In Russian)
- Vinokurova M. V. Institute of Guardianship in the Customary Law of Medieval English Boroughs. *Srednie veka*, 2016, iss. 77 (3–4), pp. 213–232. (In Russian)
- Vinokurova M. V. Seisin in the Customary Law of Medieval English Boroughs. *Srednie veka*, 2017, iss. 78 (1–2), pp. 115–154. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2017 г.

Рекомендована в печать 10 июня 2019 г.

Received: November 28, 2017

Accepted: June 10, 2019